

Наброски к историографии и источниковедению биографии императора Юстиниана в отечественной византистике

Император Юстиниан, вне всякого сомнения – знаковая фигура в византийской истории. Он по праву может быть поставлен на одну доску с императором Константином Великим, от которого сами византийцы вели начало своей истории и который стал идеальной моделью, своего рода «колодкой», к которой примеряли позднейшие авторы остальных императоров на предмет соответствия этому идеалу. Юстиниан, конечно, не удостоился такой чести, однако если непредвзято посмотреть на его правление, на его деятельность, то несомненно – это действительно титаническая фигура. Последний император Античности и первый император Средневековья, Юстиниан оставил заметный след в истории Византии, след, оцениваемый историками неоднозначно. Так известный отечественный византист Г.Л. Курбатов писал, что «в какой-то мере традиционным стал образ Юстиниана как человека, наделенного «колоссальным честолюбием», неистребимой жаждой утверждения своего абсолютного единовластия, хитрого, вероломного и беспринципного выскочки, маниакально жаждавшего возвеличить и прославить свое имя. При нем ранняя Византия достигла наивысшего расцвета и могущества, но честолюбие и амбициозные замыслы Юстиниана перенапрягли и подорвали силы Византии...».¹

Казалось бы, это должно было обусловить значительный интерес к личности Юстиниана со стороны византистов. И, действительно, в зарубежной византинологии есть специализированные исследования, посвященные его личности, например, переведенная еще в 1906 г. работа французского историка Ш. Дилья «Юстиниан и византийская цивилизация в VI в.».² Однако предмет нашего изучения – историография отечественная. Нельзя сказать, что эта тема совсем в ней не рассматривалась и личности великого императора никак не касались. Напротив, о нем и о его деятельности как императора много было сказано в ставших классическими работах крупнейших дореволюционных русских византистов – Ф.И. Успенского, Ю.А. Кулаковского, А.А. Васильева, а также А.П. Лебе-

¹ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. Л., 1991. С. 221.

² Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908.

дева и отчасти А.В. Карташева и Ф.А. Курганова.³ При этом, что характерно в целом для российской (как, впрочем, и для зарубежной) византистики, так и для отдельных ее направлений (политической или церковной истории, к примеру), эти исследования находились в общем в «позитивистском» течении исторической мысли. Чрезвычайно насыщенные фактурой (особенно в этом плане примечательны работы Ф.И. Успенского и А.П. Лебедева), обильно цитирующие документы и хроники того далекого времени, эти труды лишь наметили основные направления, по которым предстояло изучать деятельность и жизнь императора Юстиниана, обозначили проблемы и поставили вопросы, но ответа на них дать не успели. Смена исторической парадигмы произошло уже после того, как отечественная византистика пережила сильнейший удар, связанный с событиями 1917 г. и сменой общественно-политического и социально-экономического устройства страны, от которого она, по большому счету, оправиться не смогла и по сей день (но это, правда, предмет отдельного исследования).

Таким образом, подытоживая результаты дореволюционной отечественной «юстинианы», можно с уверенностью сказать, что, к сожалению, специального исследования, посвященного личности и политике Юстиниана, в т.ч. религиозной, до 1917 г. не появилось. Несомненной заслугой русских византистов, вместе с тем, можно считать тот факт, что так или иначе, но основные направления деятельности и вехи биографии Юстиниана в работах дореволюционных византистов все же содержатся и при ознакомлении с ними можно составить достаточно полное представление об императоре и его деятельности.

К сожалению, как уже было отмечено выше, после 1917 г. продолжения сложившейся было традиции не последовало и ожидаемого исследования о Юстиниане, которое, как можно было бы ожидать, стояло на повестке дня, так и не последовало. Конечно, советские историки-византисты также не могли пройти мимо этой фигуры.⁴ Его деятельность нашла свое отражение в академической «Истории Византии»⁵ и

³ См., например: Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. СПб., 1998; Кулаковский Ю.А. История Византии 518-602 годы. СПб., 2003; Лебедев А.П. Вселенские соборы VI, VII и VIII веков. СПб., 2004; Острогорский Г. История Византийского государства. М., 2011; Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. I. М., 2001 и др.

⁴ См., например: Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли из варвара сделать христианина? М., 2003; Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984; Левченко М.В. История Византии. Краткий очерк. М.-Л., 1940 и др.

⁵ История Византии. Т. I. М., 1967.

ряде других работ, например, в исследованиях В.Е. Вальденберга.⁶ Однако, если говорить конкретно о самом Юстиниане и о его политике как предмете отдельного исследования, здесь мы также с сожалением можем сказать, что если не считать небольшого очерка Г.Л. Курбатова и научно-популярного очерка же в сборнике биографий византийских императоров, принадлежащего перу С.Б. Дашкова⁷, увы, не последовало.

Это тем более странно (хотя, если учесть особенности марксистской исторической парадигмы в ее советском переложении – с ее упором на роль народных масс в истории и социально-экономический детерминизм – и не настолько, чтобы быть совершенно непонятным), что, даже если взять переведенные на русский язык исторические сочинения эпохи Юстиниана и более поздние, источниковый фундамент под биографию Юстиниана есть.

Источниковую основу исследования жизни и деятельности Юстиниана составляют прежде всего составили исторические сочинения ранневизантийских историков – как светских, так и церковных. Прежде всего, главным автором, на данные которого мы опирались в процессе разработки темы проекта, был, безусловно, Прокопий Кесарийский. Этот историк по праву считается крупнейшим историком ранней Византии, на его глазах прошла вся история правления императора Юстиниана (в 527 г. он поступил на государственную службу – одновременно с воцарением Юстиниана, а умер около 562 г. – за 2-3 года до смерти самого Юстиниана). Главные его труды, на которые мы опирались – это, естественно, «История войн императора Юстиниана с персами, вандалами и готами» (обычно для краткости именуемая просто «Войны»), и, как метко было замечено, написанный «желчью» скандально знаменитый памфлет «Тайная история» (*Historia arcana*). Первый труд освещал события правления Юстиниана до 552 г., тогда как второй представлял собой как бы общий, гиперкритический обзор деяний Юстиниана за практически все годы его правления).⁸

Как «первый свидетель» эпохи, Прокопий имеет огромную ценность для изучения политической, военной, социальной и религиозной истории Византии эпохи Юстиниана. Ценность его сочинений не только в том, что он стремился подражать великим историкам античности Фукидиду и По-

⁶ Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. – СПб., 2008; его же. Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб., 2008.

⁷ Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1997; Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., 1991.

⁸ См.: Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. Ч. 1-2. М., 1996; его же. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.

либию, но в его колоссальной эрудиции, связанной прежде всего с его сопричастностью политике и жизни императорского дворца, и доступом к информации, которую он как секретарь лучшего византийского полководца эпохи Велизария мог получать непосредственно от главных действующих лиц эпохи и из государственных архивов империи. Не поняв Прокопия, полагают многие исследователи-византинисты, нельзя понять эпохи Юстиниана и личность самого императора.

Другим важным автором, повествование которого является продолжением исторических хроник Прокопия и сообщает нам сведения о последних годах правления Юстиниана, был Агафий из Миринеи.⁹ По степени информативности, вовлеченности в события, да и просто по размерам дарования он, конечно же, уступает Прокопию, и сам Агафий это понимал. Тем не менее, его труд «О царствовании Юстиниана» также представляет большой интерес и ценность для освещения событий последней трети правления Юстиниана.

Кроме Прокопия и Агафия, основных историков эпохи Юстиниана, интересные сведения об эпохе Юстиниана и о нем самом дают еще сочинение позднейшего византийского хрониста Феофана «Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта» (относящаяся к нач. IX в.)¹⁰, а также «Церковная история» Евагрия Схоластика и «История» Симеона Метафраста¹¹.

Помимо сочинений позднеимперских и ранневизантийских авторов, при изучении биографии Юстиниана и его взглядов могут быть использованы материалы римского и византийского гражданского законодательства, обработанные и сведенные воедино при нем и образовавшие знаменитые «Дигесты», а также, что естественно при изучении религиозной жизни Византии и религиозной политики Юстиниана, основы византийского канонического права, прежде всего решения Вселенских соборов. Вкупе все эти источники составляют, на наш взгляд, достаточно солидную базу для биографического исследования жизни и деятельности Юстиниана.

⁹ Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М., 1996.

¹⁰ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884.

¹¹ Симеона Метафраста и Логофета описание мира от Бытия и летописи собран от различных летописец. СПб., 1905; Схоластик Евагрий. Церковная история. М., 1997.